

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
13 (76)

ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
И ЛИТЕРАТУРЫ
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 6 5

ПАПИРУС ВЕСТКАР И БИБЛЕЙСКОЕ СКАЗАНИЕ О МОИСЕЕ

Во вступительной статье к переводу папируса Весткар мною коротко было отмечено сходство отдельных эпизодов библейских легенд о Моисее со сказками, содержащимися в этом тексте.¹ Проблема влияния древнеегипетской литературы на Библию в течение последнего полувека неоднократно служила темой и отдельных монографий,² и специальных статей,³ однако в них в основном говорится о религиозных гимнах, лирических произведениях, поучениях и наставлениях. О художественной литературе и сказках по существу пишет преимущественно Э. Пит в уже названной работе. Только один Сеймур де Риччи посвятил небольшое исследование выяснению вопроса, в какой степени древнеегипетская сказка воздействовала на еврейскую литературу. Но его внимание привлек очень ограниченный круг сюжетов, а именно десятая глава книги „Исход“.⁴ В общих трудах по истории, истории литературы и библистики содержатся порой отдельные, очень ценные наблюдения и высказываются иногда весьма интересные мысли, но они не собраны и не систематизированы.

В свое время Г. Гункель, пожалуй, впервые занявшись специально сравнительным изучением художественного творчества древних египтян и Библии, заявил: „Египтяне рассказывали охотно и умело. Таким образом, именно у них нам следует ожидать параллели к сказаниям Ветхого Завета. Однако до сих пор, насколько мне известно, нам удалось собрать немного соответствующего материала“. Далее Г. Гункель ссыла-

¹ И. С. Кацнельсон. Сказки папируса Весткар. КСИНА, вып. 46, 1962, стр. 104—130.

² Например: P. Humber. Recherches sur les sources égyptiennes de la littérature sapientiale d'Israël. Neuchâtel, 1929; E. A. Peet. A Comparative Study of the Literatures of Egypt, Palestine and Mesopotamia. London, 1931.

³ Одной из первых была очень суммарная и содержащая мало материала статья Г. Гункеля (H. Gunkel. Ägyptische Parallelen zum Alten Testament. ZDMG, Bd. 63, 1909, SS. 531—539), автор ограничивается лишь постановкой проблемы; A. В. М а с е. The Influence of Egypt on Hebrew Literature. AAA, vol. IX, 1922, pp. 1—26 (осталась недоступной); R. Weill. Les transmissions littéraires d'Égypte à Israël. Cahier complémentaire à la Revue d'Égyptologie. Le Caire, 1950, pp. 43—61, здесь дан обзор предшествующей литературы и излагается история вопроса.

⁴ S. de Ricci. Les contes populaires égyptiens et la littérature hébraïque. Bibliothèque de vulgarisation du Musée Guimet, t. 37, 1912, pp. 151—184.

ется только на один доступный ему пример: неверная жена из сказки о двух братьях и жена Потифара в легенде о Иосифе (Быт. 39, 7 сл.).⁵ Очевидно, ему известно было тогда немного, ибо, как мы увидим далее, в своих последующих работах он приводит новые параллели.

Здесь мы не станем касаться ни вопроса об историчности Моисея, ни проблемы происхождения этого образа, о чем существует ряд самых разнообразных теорий и предположений. Нас будет интересовать лишь одна задача — постараться выяснить, в какой степени представления о нем связаны с египетской литературой, в частности с циклом сказок о фараоне Хуфу и чародеях, содержащихся в так называемом папирусе Весткар. Сказки эти возникли, конечно, в конце эпохи Древнего царства, но записаны были, как указывают особенности языка, много веков спустя — в самом начале Нового царства, в конце XVII—начале XVI в. до н. э.⁶ До сих пор была сделана только одна и притом совершенно неудачная попытка систематически исследовать происхождение образа Моисея на основании древнеегипетских источников. Автор — голландский теолог Д. Фёлтер — пришел к абсолютно фантастическому и ничем не оправданному выводу, что основатель иудейской религии был никто иной, как бог Тот.⁷ Естественно, его теория была подвергнута уничтожающей критике А. Эрманом, к которой ничего не остается добавить.⁸

Связь сказаний о Моисее и об исходе евреев с Египтом ни в ком никогда сомнений не вызывала. Более того, даже прямо указывалось, что, например, легенда о рождении пророка основывается на какой-то не дошедшей до нас египетской сказке, подвергшейся обработке в духе еврейской религиозной идеологии.⁹ Правда, внешне предание о рождении Моисея в некоторых деталях напоминает древнюю легенду о рождении аккадского царя Саргона, но оно принципиально отличается от нее тем, что в последней полностью отсутствует мотив преследования, мотив, который отчетливо прослеживается в обрамляющей сказке папируса Весткар.

И само имя Моисей, по мнению многих, египетского происхождения. Как известно, егип. „msj, resp. коптск. мисе мисі — „рождать“.¹⁰ Многие египетские имена включают это слово, например Тутмос, Рамос,

⁵ H. Gunkel. Ägyptische Parallelen. . . , S. 533.

⁶ A. Erman. Die Märchen des Papyrus Westcar. Berlin, 1890. Mitteilungen aus der Orientalischen Sammlungen der königl. Museen, Bd. V—VI.

⁷ D. Völter. Aegypten und die Bibel. Leiden, 1909.

⁸ См.: D. Völter. Mose und die ägyptische Mythologie. Leiden, 1912, предисловие. Эта книга, являющаяся по существу ответом на рецензию А. Эрмана, еще более фантастична. Никаких параллелей папирусу Весткар здесь не приводится.

⁹ H. Gressmann. Mose und seine Zeit. Göttingen, 1913, S. 7.

¹⁰ Wörterbuch der ägyptischen Sprache. . . herausgegeben von A. Erman und H. Grapow, Bd. II, Berlin, 1928, S. 137.

Яхмос и т. д.¹¹ Правда, библия дает иную этимологию: „И она привела его к дочери фараоновой, и он был ей вместо сына, и нарекла имя ему: Моисей, потому что, сказала она, я из воды вынула его“ (Исх. 2, 10). То же, следуя Филону Александрийскому (*De vita Mosis* I, 4, 17), пишет и Иосиф Флавий: „От того, что он был брошен в реку и вытасчен из нее, ребенок получил и свое имя, так как египтяне называют воду $\mu\omega$, а спасенных — $\omega\sigma\tau\varsigma$. Сложив эти два слова, они дали их ему в виде имени“.¹² Комментируя это место, переводчик „Иудейских древностей“ Г. Г. Генкель замечает, что толкование ошибочно, ибо „Моисей“ значит собственно „Извлекающий из чрева матери“.¹³ Здесь невольно напрашивается аналогия с именами, которыми нарекает Исида в сказках папируса Весткар рождающихся у жены гераклеополитанского жреца Раджедет будущих первых трех фараонов V династии — Усеркафа, Сахура и Какаи: „Не будь сильным в этом имени твоём Усерреф!“, „Не медли в чреве ее, в этом имени твоём Сахра!“, „Не будь темным в чреве ее, в этом имени твоём Кеку!“. В этих каламбурах, основанных на созвучиях и сходных написаниях, столь любезных сердцу образованных египтян, используется игра слов: „Усеркаф“ (сильно его Ка), „Усерреф“ (более сильный, чем он), „Сахура“ (одаряет меня Ра), (задерживаться и одарять, награждать; отличие написаний только в детерминативах); „Какай“ — ККW — темнота, мрак. Характерно, что Иосиф, писавший свой труд столетия спустя после того, как это место Элогиста было включено в Пятикнижие, дает основание для подобной, вполне на египетский манер этимологизации имени Моисея, хотя, видимо, и неверной, так как скорее всего имя основателя иудейской религии восходит к основе msj — „рождать“.¹⁴

Как известно, сказание о Моисее в том виде, в каком оно дошло до нас, складывалось на протяжении нескольких веков — с IX по V в.

¹¹ Ed. Meyer. *Geschichte des Altertums*, 2 Aufl., II Bd., 2 Abt., Stuttgart und Berlin, 1931, S. 208; G. Hölscher. *Geschichte der israelitischen und jüdischen Religion*. Giessen, 1922, S. 68, Anm. 10; A. H. Gardiner. *The Egyptian Origin of Some English Personal Names*. Journ. of the Am. Orient. Soc., vol. LVI, 1936, N 2, p. 192 sqq., ср.: J. G. Griffith. *The Egyptian Derivation of the Name Moses*. Journ. of the Near Eastern Studies, vol. XII, 1953, pp. 225—231, а также: I. Hösl. *Zur orientalischen Namenkunde: Maria—Moses—Aaron. Eine philologische Studie*. Serta Monacensia F. Babinger... herausgegeben von H. J. Kissling und A. Schmaus, Leiden, 1952, SS. 82—85, который выводит этимологию имени Моисей от егип. ms — „ребенок“, что филологически менее оправдано.

¹² Иосиф Флавий. *Иудейские древности*, т. I. СПб., 1900, стр. 107.

¹³ Там же, стр. 107, прим. 2.

¹⁴ P. Montet. *L'Égypte et la Bible*. Neuchâtel, 1959, pp. 34—35. Искусственной и неверной представляется попытка объяснить происхождение имени Моисей не от того, что его вытащили из воды, а от того, что он „вытащил“, т. е. вывел евреев из Египта; M. Buber. *Moise*. Paris, 1957, p. 38 sq. Филологически несостоятельное объяснение его имени, предложенное Н. Уолкером, полагающим, что оно восходит к егип. $mw s\dot{z}w$ — „Вода, это то, что сохранила“ (N. Walker. *The Meaning of „Mosès“*. Epsom, 1948).

до н. э., в период, считающийся „золотым веком“ иудейской литературы.¹⁵ Противоречия между отдельными составными частями книги „Исход“ и разногласия по поводу их датировки в значительной степени затрудняют истолкование этого сказания. Расходятся с библией нередко и версии, сохраненные Иосифом Флавием.

Хотя Элогист по крайней мере на 100—150 лет моложе Ягвиста,¹⁶ он сохранил более раннюю традицию о Моисее, который у него выступает как чародей, совершающий чудеса с помощью своего волшебного посоха, в то время как у Ягвиста они приписываются самому Ягве.¹⁷ Эти же древнейшие представления отображены в ряде мест еще более позднего, так называемого „Жреческого кодекса“.

Пожалуй, впервые обратил внимание на близость одного из эпизодов книги „Исход“ к сказкам папируса Весткар Г. Грессманн,¹⁸ о чем мы подробнее скажем несколько дальше. У нас это коротко, но очень точно и выразительно отметил академик В. В. Струве: „В эпизодах «Исхода», так же как и в самом имени Моисея, сказалось египетское влияние, Моисей показывает чудо, превращая жезл в змею, и затем при переходе через Красное море он разделил воды и по дну моря провел весь народ; эти два сюжета очень напоминают рассказы о египетских магах в сказках папируса Весткар“.¹⁹ Число подобных параллелей можно увеличить.

Один из важнейших эпизодов папируса Весткар — предсказание мудреца Джеди фараону Хуфу о грядущем неизбежном конце его династии и о воцарении сыновей жены гераклеополитанского жреца Раджедет, которые родятся у нее от бога Ра. Пророчество это приводит в трепет Хуфу. Здесь перед нами широко распространенный сказочный мотив, известный из преданий многих народов древнего мира: правящему царю или его династии предрекается гибель от долженствующего родиться младенца. Все попытки помешать осуществлению пророчества и умертвить ребенка оказываются тщетными. Достаточно сослаться на легенды и мифы об Эдипе, Кире, Кришне и др.²⁰ Можно указать коптскую сказку IX в. н. э. об Иоанне, сыне Армении, царя Тарса.²¹ Этот мотив перешел и в сказание евангелиста Матфея о Христе. Что касается Моисея, то наиболее близкая к египетскому прототипу версия содержится у Иосифа Флавия: „В то время, как евреи находились в таком положении, у египтян появилась и другая причина, по которой они еще более

¹⁵ R. Pfeiffer. Introduction to the Old Testament. New York—London, 1941, p. 21.

¹⁶ Там же, стр. 147—148, 168.

¹⁷ H. Gressmann. Mose und seine Zeit, S. 85.

¹⁸ Там же, стр. 88.

¹⁹ В. В. Струве. История древнего Востока. 1941, стр. 299.

²⁰ Ed. Meyer. Geschichte des Altertums, S. 207.

²¹ E. Amelineau. Contes de l'Egypte chrétienne, т. I. Paris, 1888, pp. 183—187; ср.: P. Saintyves. Essai de folklore biblique. Paris, 1922, p. 378.

постарались стереть с лица земли народ наш. Поводом к этому послужило следующее: один из египетских ученых (которые, кстати сказать, особенно выдаются своими предсказаниями будущего) возвестил царю, что к тому времени среди израильтян родится мальчик, который, если вырастет, то сокрушит могущество египтян и сделает евреев властным народом; при этом он превзойдет своей добродетелью всех людей и приобретет вечную славу. Испугавшись этого, фараон по совету того предсказателя повелел всех родившихся тогда еврейских детей мужского пола бросить в реку и загубить, а египетским повивальным бабкам приказал следить за беременностью еврейских женщин и не выпускать из виду их родов; он повелел именно египетским бабкам следить за этим, потому что они, будучи одной с ним национальности, не решатся ослушаться царского приказа. Тех же, кто поступит вопреки этому приказанию и осмелится тайно спасти новорожденных, царь приказал вместе со всем их семейством подвергать смертной казни²². К сожалению, конец папируса Весткар не сохранился. Это лишает нас возможности узнать, как развивалось действие в дальнейшем, чинил ли козни будущим царям Хуфу и как преодолели они опасности. Известно только, что служанку, собравшуюся донести фараону о рождении чудесных детей, схватил крокодил. Но несомненно, конечно, что исход был благополучным, как и во всех других вариантах этого сказания, в противном случае оно оказалось бы лишены всякой логической цели и смысла.²³

Далее, в „Исходе“ (7, 10—8, 14) повествуется о состязании Моисея и Аарона с мудрецами и чародеями фараона, из которого они выходят победителями. Обращенный в змею жезл Аарона поглощает превращенные в змей жезлы волхвов. Египтянам наносят поражение и тогда, когда они старались „чарами своими произвести мошек“ (Исх. 8, 14), но потерпели, в отличие от обоих еврейских пророков, неудачу. Эта тема — соревнование — также отображена в папирусе Весткар, где описывается сила чар волшебника Джеди, умеющего приставить отрезанную голову гуся и оживить его. Правда, здесь оно происходит так сказать „заочно“, ибо Джеди должен превзойти своим искусством уже умерших чародеев. Вообще, видимо, тема эта была достаточно распространена в египетской сказке. В сказаниях о Сатни-Хемуасе она звучит дважды. Сначала сам Сатни-Хемуас состязается с мумией царевича Ноферка-Птаха и оказывается побежденным, затем его сын Са-Осирис, перевоплощение волшебника Гора, сына Па-Неше, одерживает победу над Гором, сыном негритянки, волшебником из Эфиопии, которого он

²² Иосиф Флавий. Иудейские древности, стр. 102—103; ср.: Исх. I, 15—22. К сожалению, вопрос о фольклорных мотивах у этого писателя до сих пор не исследован.

²³ Ср.: G. Maspero. Les contes populaires de l'Égypte ancienne. 4 éd., Paris, s. a. p. 44; Fl. Petrie. Egyptian Tales, I series. London, 1899, p. 58; С. Я. Лурье. Библейский рассказ о пребывании евреев в Египте. Еврейская мысль, научно-литер. сб., Л., 1926, стр. 103. На эту статью обратил мое внимание И. Д. Амусин.

некогда в прежнем своем образе уже раз превзошел в искусстве.²⁴ Вот почему представляется недостаточно обоснованным мнение Г. Гункеля, что „Мотив состязания между Моисеем и египетскими чародеями — сказочный мотив, встречающийся там, где соревнуются две религии, похваляющиеся сверхчеловеческими познаниями“.²⁵ И Джеди, и его предшественники — умершие уже волшебники Уба-Онер и Джаджаманх, и Сатни-Хемуас, и Ноферка-Птах, и Са-Осирис, и эфиоп Гор, сын негритянки, — все они поклонялись одним богам. В состязании между ними нет никаких религиозных распрей, которые появляются только в библии, где монотеизм евреев воинственно и страстно противопоставляется верованиям других народов, в том числе и египтян. Особенно ясно проступает это в передаче Иосифа Флавия: „Когда же царь начал глумиться над этим (т. е. повелением бога отпустить евреев из Египта, — *И. К.*), Моисей на деле дал ему возможность своими глазами увидеть те чудеса, которые произошли на горе Синай. Однако царь рассердился и назвал его гнусным обманщиком, который бежал когда-то от египетского рабства, а теперь хитро обставил свое возвращение и пытается своими фокусами и магическими представлениями ввести людей в заблуждение. С этими словами он одновременно отдал приказ жрецам показать Моисею те же самые чудесные вещи, чтобы он убедился, что и в этой науке египтяне достаточно сведущи... Затем жрецы бросили свои посохи на землю, и они обратились в змей. Моисей, однако, не смутился этим и сказал: «Я, царь, нисколько не умаляю египетской мудрости; но тем не менее я заявляю, что совершаемое здесь мною настолько же лучше и выше магических опытов этих людей, насколько отличны деяния господина бога от человеческих. Поэтому я сейчас покажу, что мои чудеса не фокусы и не только похожи на чудеса, но на самом деле совершаются по желанию и в силу могущества господина бога». С этими словами он бросил свой посох на землю, приказав ему обратиться в змею. Посох повиновался, набросился на посохи египетские, которые только казались змеями, и один за другим поел их все“.²⁶ В „Исходе“ (7, 8—12), где место это восходит в основном к „Жреческому кодексу“,²⁷ мотив соревнования между религиями выражен далеко не столь определенно: „И сказал господь Моисею и Аарону, говоря: «Если скажет вам фараон: сделайте себе чудо, то скажи Аарону, возьми жезл свой и брось перед фараоном, он сделается змеем». И пришли Моисей и Аарон к фараону, и сделали так, как повелел господь. И бросил Аарон жезл свой перед фараоном и пред рабами его, и он сделался змеем.

²⁴ F. L. Griffith. *Stories of the High-Priests of Memphis*. Oxford, 1900. Перевод на русский язык: Фараон Хуфу и чародеи. Сказки, повести, поучения Древнего Египта, М., 1958, стр. 128—165.

²⁵ H. Gunkel. *Mose*. Tübingen, 1930, S. 231.

²⁶ Иосиф Флавий. *Иудейские древности*, стр. 118.

²⁷ Ю. Велльгаузен. *Введение в историю Израиля*. СПб., 1909, стр. 409. Ср.: H. Gressmann. *Mose und seine Zeit*, S. 88 f.

Призвал и фараон мудрецов и чародеев; также сделали и эти волхвы Египта своими чарами тоже. Каждый из них бросил свой жезл, и они сделались змеями, но жезл Аарона поглотил их жезлы“. Таким образом, религиозную окраску этот мотив, восходящий к обычному сказочному сюжету, видимо, принимал постепенно; его приспособили к потребностям культа Ягве.

Приведенный нами перевод отрывка из 7-й главы книги „Исход“²⁸ содержит одну неточность. В ней сказано, что посох Аарона превратился в змею. В действительности же в подлиннике стоит слово יָנַח, что следует передать как „большая змея“, т. е. дракон или крокодил.²⁹ Таким образом, мы сталкиваемся с еще одной аналогией сказкам папируса Весткар. Царевич Хауфра рассказывает своему отцу, как волшебник Уба-Онер, живший при фараоне III династии Небка, желая наказать свою жену, изменившую ему с простолудином, сделал из воска крокодила, который утащил прелюбодея на дно пруда. Затем он обратил его обратно в восковое изображение.

В следующей сказке папируса Весткар — рассказывает ее царевич Бауфра — повествуется о чародее Джаджаманхе. Чтобы достать упавшую в озеро подвеску одной из гаремных див фараона, он поднял половину его вод и положил на другую половину, обнажив таким образом дно. Когда подвеска была найдена, по его заклинанию озеро приняло прежний вид. Примерно так же описывается и „чудо“, совершенное Моисеем при переходе евреев через Красное море, когда воды его расступаются перед беглецами (Исх. 14, 16 сл.). В дошедшем до нас виде описание этого эпизода сочетает две версии: более позднюю „Жреческого кодекса“, содержащего древнейшее предание, и Ягвиста, стремящегося рационализировать чудо, которое он объясняет действием восточного ветра.³⁰ „И простер Моисей руку свою на море, и гнал Ягве море сильным восточным ветром всю ночь, и сделал море сушею; и расступились воды“ (Исх. 14, 21). Начало строфы восходит к „Жреческому кодексу“.³¹ Здесь, как и далее (Исх. 14, 27), заставляет расступиться море Моисей. К „Жреческому кодексу“ близок и Иосиф Флавий: „Вознеся эти молитвы, Моисей ударил посохом по морю, которое от

²⁸ Он заимствован из издания: Священные книги Ветхого Завета в переводе с еврейского текста, Изд. Британского и иностранного Библейского общества, Берлин, 1913.

²⁹ H. Gressmann. Mose und seine Zeit, S. 88. Tanninim — Seeungeheuer, Seedrache. Lexicon in Veteris Testamenti libris ed. L. Koehler — W. Baumgartner, Leiden, 1958, p. 1034. Точно так же понимается это слово в труде: A. et R. Neher. Histoire biblique du peuple d'Israël, I. Paris, 1962, p. 120.

³⁰ H. Gunkel. Das Märchen im Alten Testament. Tübingen, 1921, S. 108; H. Gressmann. Mose und seine Zeit, S. 117; оба они сходятся в том, что это чрезвычайно распространенный сказочный мотив. См. также: H. Günter. Die christliche Legende des Abendlandes. Heidelberg, 1910, s. v. „Wasser“.

³¹ Ю. Велльгаузен. Введение в историю Израяля, стр. 410.

этого раздвинулось и, отступив перед евреями, дало им возможность удалиться по сухому пути".³² Таким образом, в древнейшем, более примитивном варианте сказания пророк выступает в роли чародея, совершающего точно такое же чудо, как и волшебник из сказки папируса Весткар.

Сравнительно недавно П. Монте справедливо указал,³³ что некоторые „казни“, которым, согласно библии, Ягве подверг фараона и его подданных, имеют параллели в египетской литературе, а именно во втором сказании о царевиче Сатни-Хемуасе (сыне Рамсеса II), дошедшем до нас в списке конца I в. до н. э., но возникшем в основных чертах, вероятно, значительно раньше. Так, окрашивание вод Нила в красный цвет (Исх. VII, 22) заставляет вспомнить слова эфиопского чародея Гора, сына негритянки, предрекающего своей матери: „Если меня победят, вода, которую ты станешь пить, сделается красной, как кровь, и пища, которую ты станешь есть, сделается красной, как кровь, и небо над твоей головой станет красным, как кровь“ (2 Сатни Хемуас, VI, 3—4). В том же сказании один из трех чародеев-эфиопов, разговор которых подслушал царь Менх-па-Ра, говорит своим друзьям: „Если бы дозволил Амон и если бы владыка Египта не мог меня покарать, я бы напустил свои чары на Египет и оставил народ Египта на три дня и три ночи без света“ (там же, IV, 4—5). Монте приходит к вполне обоснованному выводу: „... хронист лишь приписал Моисею фокусы (tours), аналогичные тем, что были обычны для чародеев Египта“.³⁴

В заключение следует привести еще один пример сюжетной близости между книгой „Исход“ и произведениями египетской литературы, но уже иного жанра, а именно — повести. Я имею в виду, пожалуй, наиболее известный памятник художественного творчества египтян — „Историю Синухета“. Подобно тому, как герой этой повести после смерти фараона Аменемхета I, объятый страхом, покидает родину, Моисей, боясь кары за убийство египтянина, обращается в бегство и направляется в Мадиян. Оба они встречают радушный прием у бедуинов, оба берут в жены иноземок, с которыми живут счастливо и от которых имеют детей.³⁵

Приведенные факты еще раз подтверждают, впрочем, никем не оспариваемую близость литературы древних евреев периода ее расцвета к сказкам страны пирамид. Нет никакого сомнения в том, что если бы произведения египетской литературы сохранились лучше и в большем количестве, число подобных аналогий можно было значительно увеличить.

³² Иосиф Флавий. Иудейские древности, стр. 127.

³³ P. Montet. L'Égypte et la Bible. Neuchâtel, 1959, p. 94.

³⁴ Там же, стр. 98.

³⁵ S. de Ricci. Les contes populaires égyptiens et la littérature hébraïque, p. 169 sq.; ср.: G. Lefebvre. Romans et contes égyptiens. Paris, 1949, p. XIII. Иосиф Флавий в „Иудейских древностях“ (II, 11, 1—2) приводит ряд подробностей, которые дают дополнительные доказательства этому сходству. Правда, здесь бегство Моисея объясняется тем, что на него донесли, будто он замышляет совершить „государственный переворот“.

Но и приведенные здесь факты позволяют утверждать, что в Пятикнижии широко использовано литературное творчество не только Двуречья, но и Египта. При настоящем уровне наших знаний мы, конечно, не можем определить, какие именно предания или сказки читали или слышали составители „Жреческого кодекса“, а также списков Элогиста и Ягвиста, ознакомились ли они с ними на месте в Египте или же довольствовались репликами, дошедшими до Иудеи, или привезенными туда папирусами. По меньшей мере рискованно утверждать, что цикл сказок о фараоне Хуфу, сохраненный нам папирусом Весткар, находился непосредственно в их руках, но они были достаточно хорошо знакомы с наиболее распространенными в Египте сказочными сюжетами и мотивами, а некоторыми из них пользовались преимущественно в тех случаях, когда описывали события, происходившие якобы в этой стране. Конечно, заимствованный материал подвергался соответствующей обработке и во все большей степени приспособлялся к потребностям и нуждам иудейской религии и культа. Поэтому, например, если в древнейших версиях, сохраненных „Жреческим кодексом“ и Иосифом Флавием, Моисею приписывается совершение чудес, прообразом которых служат чудеса египетских чародеев, то в более поздних вариантах они истолковываются иногда либо более рационалистически, либо объясняются волей Ягве. Таким образом, в некоторых эпизодах библии Моисей, а затем и Ягве постепенно сменяют сказочных волшебников папируса Весткар, а сюжеты и мотивы из сказаний, развлекавших подданных фараонов, вошли, хотя и в значительно переработанном виде, в канон ветхозаветных книг.

I. S. Katznelson

LE PAPYRUS WESTCAR ET LA LÉGENDE BIBLIQUE DE MOÏSE

L'article ci-dessus essaie démotrer à quel point les conceptions du Moïse biblique et la légende de la fuite des Hébreux de l'Égypte telles qu'elles sont données par le livre de l'Exode et par Joseph Flavius, seraient liées au cycle de contes relatifs au pharaon Chéops et les magiciens contenus dans le papyrus Westcar. En établissant une série de motifs communs (menace au roi régnant de la part d'un nouveau-né, compétition des magiciens, métamorphose d'un bâton en crocodile, assèchement d'un lac, etc.), l'auteur en arrive à conclure que le Pentateuque avait largement utilisé des sujets de contes répandus en Égypte. Ceci particulièrement dans les cas quand des événements relatifs à ce pays y avaient été exposés dans le but d'en augmenter le degré de véracité. Aussi les sujets empruntés aux contes égyptiens étaient-ils transformés ou adoptés aux besoins de la religion et du culte judaïque.